

Родино(крае)ведческое исследование в художественной форме: очерк, рассказ, повесть, роман

Пирожков Г. П.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов

В статье сделана попытка доказать на основе анализа ряда литературных художественных произведений – от очерка до романа – нестоличных авторов, что в современном мире «...наука (становится) более художественной» (Г. Флобер). Создавая свои произведения на материалах Отчего края, в основе которых глубокое осмысление разнообразных историко-культурных источников, литератор-родино(крае)вед предлагает читающей публике, в первую очередь своим землякам, по сути, научное исследование, в котором объективно, хотя и с некоторым, допустимым в соответствии с жанром произведения вымыслом, рассказывает о заметных явлениях, дает описание важных событий в истории и культуре родной земли. Автор – ученый-педагог, журналист-краевед – доказывает, что писатель вправе изложить в художественной форме результаты своих научно-исследовательских изысканий. Осмысливая некоторые приемы включения писателями краеведческих сведений в содержание своих произведений, он считает возможным беспристрастное использование художественной литературы на местных материалах как ценного, с научной точки зрения, (с учетом исторической критики) и яркого по эмоциональности источника в историко-культурологическом научном исследовании.

Ключевые слова: *родино(крае)ведение, художественное произведение, история и культура Отчего края,; литература на краеведческих материалах.*

Artistic Form of Motherland (Local) Studies: Sketch, Story, Narrative, Novel

Pirozhkov G. P.

*Federal state funded educational establishment of higher professional education
«Tambov State Technical University», Tambov*

Attempt is made to prove, on the basis of analysis of a number of literature fiction works, from a sketch to a novel, by provincial authors, that in contemporary world «... science (becomes) more artistic» (G. Flober). Creating their works on the materials of their Home Land, which are based on deep interpretation of various historical and cultural sources, the literature worker-local researcher offers the readers, first of all his compatriots, a scientific research, in which objectively, although with some permissible for the genre fiction, narrates about significant phenomena, gives a description of important events in the history and culture of their Home Land. The author, who is a scholar-teacher and journalist-land researcher, proves that the writer has the right to present in the artistic form findings of his research. Thinking over some techniques of including land studies into the contents of his literary works he believes it possible to objectively use fiction on local materials as a valuable, from the scientific point of view (considering historical critics) and emotionally bright source in the historical and cultural study.

Key words: *Motherland (local) studies, a piece of fiction, history and culture of Home Land, literature on land studies.*

В XIX в. Г. Флобер писал: «Чем дальше, тем Искусство становится более научным, а наука более художественной; расставшись у основания, они встретятся когда-нибудь на вершине» [цит. по: 1]. С тех пор и со стороны искусства, и со стороны науки предпринимались «многочисленные попытки перейти к “встречному движению”» [2, с. 7]. Предвидение французского романиста сбывается [3; 4]: наука становится «более художественной», искусство прочно вошло во многие науки, в том числе в краеведение, научные сведения активно используются в литературе.

В процессе создания своих трудов писатели дотошно изучают архивные документы, в результате сформирован солидный корпус ярких художественных произведений на местных материалах, в том числе романы [5; 6, с. 15–250; 7]. С творчеством ряда авторов подобных произведений (А. М. Акулинин, И. З. Елегечев (Тамбов), В. В. Будаков (Воронеж), А. П. Хлуденев (Рязань)) мы знакомы не понаслышке [4].

Цель статьи – соотнесение философской концепции региона с художественным образом Родины в литературном пейзаже.

Рассказ и очерк в родино(крае)ведении. Рассмотрим в качестве примера рассказ В. Чистякова «Лапоточки» [8]. Его основа документальная. Речь идет о конкретном населенном пункте Тамбовской области – селе Ново-Ямское Сосновского района, жителей которого автор – его уроженец – знал; среди героев рассказа – его ближайшие родственники, в том числе известный в округе мастер-столяр дядя Кирюша, Кирилл Васильевич. Автор объективно изображает быт сельской глубинки, умело вписывая в общеисторический фон конкретные факты и события из жизни своих героев, очевидцем многих из которых он был. Достоверно представлены детали крестьянского быта. В центре повествования сюжет о плене в годы Великой Отечественной войны и спасении героя от голодной смерти на лесоповале в хозяйстве бауэрши Эльзы, благодаря умению плести лапти. За них пленный получал дополнительную хлебную пайку, которую делил с товарищами по несчастью. Изготовленные пленными лапти фрау продавала. Вполне достоверным выглядит арест Кирилла Васильевича после того, как он под хмельком поведал соседям о плетении лаптей в Германии и о том, «что, мол, немцы и не такими уж злыднями были». Он и не знал, что рядом сидит и поддакивает сосед-стукач, сразу отправивший «депешу» в райцентр. «Как и полагалось, пришли за ним на рассвете». Тоже работал на лесоповале, как и в немецком плену... Но здесь лапти никому были не нужны.

Вполне реальный по тому времени сюжет. Подобное (только с другой – без участия НКВД – развязкой) случилось с моим дедом-фронтовиком в селе Каменка ныне Ржаксинского района Тамбовской области, который во время моей болезни (от роду и году не было) оторвал проводки от радио (не было тогда у черных тарелок выключателей, дребезжали с 6.00 до 24.00) как раз в тот момент, когда выступал кто-то из правительства... [9]. И надо же в этот момент зайти соседу. «Что-то, Михал Васильч, радио отключил?». И постигла бы моего Васильевича участь Кирилла Васильевича (хоть и не был он в плену и рядовым дошел до Берлина), да только вместе с сыном (моим отцом) – оба в еще не простывших от военного пота гимнастерках – так «отделали» стукача, что отшибли у него охоту отправлять «депешы» на «врагов» народа. Но это исключение, а в сосновском селе сработало правило. Таких – подобных, типичных/нетипичных – случаев по селам тамбовским (да по всей России!) было премного. И верно обозначил автор свое произведение как «рассказ-быль», подчеркнув этим еще раз документальность своего произведения.

...А лапти тамбовские мужики действительно плели искусно, в том числе и на безлесной сосновской стороне. В моем очерке «Лапти. Целехоньки, лыковые» рассказывается о лаптеплетении в Тамбовской губернии и других краях имперской России [10]. Характер использованных источников, послуживших основой для его создания, широкие хронологические рамки и достаточная для обобщений география, а также методы анализа собранного материала – все это оправдывает авторское определение работы как «краеведческое исследование». Но так как оно было опубликовано в газете, то стало «статьей в газете», что, по мнению рецензентов-читателей, не снизило его научной ценности. К подобным небольшим краеведческим исследованиям (их в краеведении подавляющее большинство) мы относим другие свои работы, опубликованные в разных периодических изданиях.

Своеобразие рассказа как формы изложения результатов краеведческого исследования состоит в том, что он представляет собой малую форму повествовательной литературы, в рамках которой художник имеет право на вымысел. При всем при этом писатель-краевед обязан соблюдать объективность.

Иное дело рассказ-быль. Здесь автор вынужден ставить себя в рамки строгой документальности. Так он как бы берет обязательство перед читателем объективно изложить исторические события. Хотя, разумеется, имеет полное право ввести в повествование, например, надуманный лирический сюжет в связи с требованиями историзма – важного свойства художественной литературы. В этих случаях важна «способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи, его обусловленность жизнью» [11, с. 108]. Это повышает значимость литературного произведения как краеведческого исследования. Наиболее оптимально этот прием «работает» в трудах писателя-романиста И. З. Елегечева [12].

По верному замечанию А. Ф. Агарева, авторы художественных произведений, бывшие непосредственными свидетелями или участниками описываемых событий, создают документы, которые служат для познания прошлого, являются источниками изучаемой эпохи.

Есть и еще одна группа художественной литературы, указывает исследователь, – это историческая беллетристика, к которой принадлежат художественные произведения об изучаемой эпохе, созданные писателями более позднего времени. Книги исторической беллетристики, которые воссоздают историческую действительность, созданы на основе научного изучения прошлого, анализа исторических источников, осмысления монографий. «Обогадив себя такими знаниями, их авторы воссоздают прошлое в форме художественного произведения, – заключает А. Ф. Агарев» [цит. по: 4, с. 103].

Еще более требовательный подход к созданию очерка документального, публицистического или бытового, особенно исторического (историко-краеведческого, историко-биографического). Здесь автора ожидают трудности, связанные с жанровой спецификой. Дело в том, что для создания небольшого литературного произведения с кратким описанием жизненных событий, коллизий, конкретных персон, как правило, хорошо известных многим людям – будущим читателям, – автору необходимы методологическая грамотность, солидная документальная база, необычайная, выверенная до грана, точность в изложении исторических фактов и др. При этом важна кропотливая работа научного руководителя (если речь заходит о краеведе – школьнике, студенте, аспиранте). Примером может служить очерк о жизни и деятельности известного тамбовского краеведа Николая Васильевича Муравьева (1906–1996), подготовленный студенткой Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина А. В. Федосеевой под руководством автора. Первый вариант очерка был опубликован в сборнике краеведческих материалов общественного объединения исследователей региональной истории и культуры «Тамбовский центр краеведения» «Откуда есть пошла земля Тамбовская». После более глубокого осмысления темы работа была представлена на Всероссийскую конференцию, очерк был опубликован в сборнике ее материалов.

Повесть на местном материале и исторический роман как родино(крае)ведческий научный труд. Обратим внимание на повесть А. М. Акулинина «Татарский вал» [6], в которой автор исторически верно описывает создание жителями Тамбовского края оборонительного сооружения – Татарского (земляного) вала (остатки этого памятника военной истории XVII в. сохранились до наших дней). Заметим, что писатель всегда трепетно относился к изучению и осмыслению исторических документов, к событиям и фактам местной истории. Любой факт, любое событие писатель художественно реконструировал с позиций исторической значимости и объективности. Созданные им образы каждого исторического периода в жизни страны являются весомым вкладом в сокровищницу ярких типов народной жизни, имеют не только значимую образовательно-воспитательную ценность, но и научно-популярную существенность. Этим отличаются и другие работы литератора: повести «Шурка-поводырь», «Плач конопатого мальчика», а также роман «Светла водица...» о «сталинском времени».

Роман «Крепость на Цне» А. М. Акулинина содержит яркое описание обычаев древнего мордовского народа, тексты подлинных народных песен, меткое слово, прибаутки [6]. Романист изучил документы тамбовского и московских архивов, что позволило ему исторически верно рассказать о строительстве города-крепости Тамбов (1636 г.) на южной границе Русского государства. Местная история XVII в. и заселение Тамбовского края представлены правдиво. На солидную документальную основу романа неоднократно указывали рецензенты.

В центре внимания писателя подлинные факты, которые, переплетаясь с художественным вымыслом, оживляющим картины прошлого, передающим аромат эпохи, суть человеческих переживаний, устремлений людей, извечной борьбы добра и зла, помогают зримо представить события и людей того времени. Глубинное осознание смысла их жизни приходит неожиданно, когда

дочитана последняя страница, и книга отложена в сторону. У А. М. Акулинина не встретишь резких контрастов. В его письме мягкость и стремление разглядеть, запечатлеть миг. Даже социальное расслоение на власть имущих и простых не так выпирает, как, например, та граница, которая делит людей на добрых и злых, завистливых и бескорыстных. Писатель подводит нас к выводу: злые люди не могут быть умными. Заметим, однако, что часто бесцеремонность, безнравственность последних делает их хозяевами положения. Но в романе зло не торжествует, оно сдерживается, растворяется в атмосфере дружбы простых людей. Тем не менее, указывает романист, зло может победить, если его будет много. И это есть предупреждение для ныне живущих.

В беспокойные времена люди всегда обращаются к своим истокам. И пусть «история ничему не учит», но при знакомстве с бытом, жизнью, деятельностью предков не может не возникнуть гордое чувство самосознания, любви к Родине, готовность «перемучить» невзгоды. Именно поэтому книга включена в программу по краеведению для детских библиотек с целью воспитания у юных читателей исторического самосознания и их духовного развития.

Конечно, стопроцентно квалифицировать роман как исторический источник можно лишь с определенной долей условности, хотя, подчеркнем, что использование в научном исследовании сюжетов исторического полотна, созданного писателем-родино(крае)ведом в своей книге, во многом зависит от профессионализма самого исследователя.

Большой читательский интерес у краеведов-исследователей вызвал роман А. М. Акулинина «Падение стены» – размышления писателя о российской деревне, которая, несмотря на все «этапы» ее «возрождения» все катится и катится под уклон... [6]. И тысячи их «укатили в никуда». Кто остановит этот губительный процесс? Романист не дает прямого ответа. Размышляя, он зовет к раздумьям и читателя. В совершенстве владея бытописанием, профессионально используя метод реконструкции, чему многим краеведам можно поучиться, автор ярко воссоздает жизнь людей, их заботы и тревоги, раздумья над судьбами российской деревни, доказывает, что именно в традициях народа коренятся человеческие ценности.

Многие факты и этой книги вполне могут быть использованы в научных краеведческих изысканиях.

В этом же ряду стоит книга А. П. Хлуденева «Олег Рязанский» [7]. «В основу романа положены подлинные исторические факты, события, – говорит автор. – Как художник, я воспользовался своим правом на вымысел, но такой, какой не противоречил бы фактам, был как бы между ними. Вымысел и домысел касается психологии действующих лиц произведения. Ведь без психологии нет образа, а без художественного образа нет и самого художественного произведения. Очень важно, чтобы в историческом романе не искажались исторические факты. Я постарался в моей книге все выверить – и рязанские историки, и краеведы, кажется, в этом смысле ко мне не в претензии» [цит. по: 4, с. 104.]. Неудивительно, что книга вызвала интерес читателей, роман рекомендован для внеклассного чтения в школах.

Однако процедура научного исследования требует от ученого специальных знаний и большого профессионального умения использовать художественную литературу в качестве исторического источника, как бы документальна она не была.

Заключение. Анализ художественных произведений, созданных на родино(крае)ведческом материале подтверждает, что писатель, активно использующий местный материал, профессионально применяющий метод локального описания, вправе изложить в художественной форме результаты своего исследования. Факты из очерка, рассказа, повести, романа (не говоря о произведениях с подзаголовками «документальный очерк», «рассказ-быль», «документальная повесть») иногда и других художественных произведений вполне возможно непосредственно использовать (с учетом исторической критики) в научном исследовании. Они помогают наиболее ярко представить историческую эпоху – быт, нравы, поступки героев, важные исторические события.

Профессионализм писателя-родино(крае)веда в использовании местного материала, изложении им событий в том или ином крае, создании художественных построений в любом жанре в первую очередь проявляется в описании быта. Художественная краеведческая литература становится и для писателя, и для читателя единым проблемным полем, на котором у каждого из них ярко проявляются свои ценности, личные интересы, рождаются предпочтения и делается выбор. В процессе виртуального диалога автора и читателя оба приходят к самоутверждению: литератор повышает творческую культуру, читатель получает художественное видение историко-краеведческих событий, учится понимать настоящее, в результате чего происходит его гражданское становление. У

собеседников возникают общие вопросы, например: «Не пора ли объединяться в борьбе с российскими недугами?», «Кто создаст необходимый для России и ожидаемый народом механизм гармоничного развития всех сторон жизни?» и многие другие.

Вникая в историю и культуру Отчего края, его современность, создавая художественные образы родной земли, писатель ищет ответы на острые вопросы российской действительности. Именно он, писатель-родино(крае)вед, одним из первых предлагает читателям находить адекватные ответы на вызовы сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерохин, С. В. Биологическое искусство / С. В. Ерохин, А. С. Мигунов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12. – Ч. 1. – С. 69–78.
2. Петров, В. М. Наука и искусство: зачем взаимодействовать? / В. М. Петров // Экспериментальное искусство: Влияние теории на художественное творчество: сб. ст. / под ред. О. Личчиарделло, С. Ломбардо, В. Петрова. – М.: ГИИ, 2011. – С. 7–12.
3. Ерохин, С. В. Взаимная интеграция науки и искусства: формирование научного искусства и особенности процесса художественно-научных исследований / С. В. Ерохин // Современные тренды развития социогуманитарного знания: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф., 1–2 сент. 2011 года. – Ростов на/Д: Научное сотрудничество, 2011. – С. 7–17.
4. Пирожков, Г. П. Рассказ, очерк, повесть... (возможно ли краеведческое исследование в художественной форме) / Г. П. Пирожков // Рязанский историк. – 2004. – № 2. – С. 101–105.
5. Акулинин, А. М. Крепость на Цне (роман). Татарский вал (повесть) / А. М. Акулинин. – Тамбов: ОАО «ГТ “Пролетарский сеточ”», 2009. – 296 с.
6. Акулинин, А. М. Падение стены (роман в двух частях). Рассказы. Очерки. «И вот иду я... (из мемуаров). «Потешки» Лозовского / А. М. Акулинин. – Тамбов, 2008. – 380 с.
7. Хлуденев, А. П. Олег Рязанский: роман / А. П. Хлуденев. – Рязань: Русское слово, 2001. – 494 с.
8. Чистяков, В. Лапоточки: рассказ-быль / В. Чистяков // Новая Тамбовщина. – Тамбов, 2003. – 9 июля.
9. Откуда есть пошла земля тамбовская. – Тамбов: Изд-во МИНЦ, 1997. – Вып. 5: Пирожков Г. П. Каменка: из истории тамбовского села. – 30 с.
10. Пирожков, Г. П. Лапти. Целехоньки, лыковые! / Г. П. Пирожков // Экспресс-Репортер. – 1999. – 15 сент. – С. 108.
11. Тимофеев, Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов: пособие для учащихся средней школы / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1978. – 223 с.
12. Елегечев, И. З. Остров смерти: быль / И. З. Елегечев. – Тамбов, 1991. – 152 с.

Поступила в редакцию 30.12.2014 г.